

12+

Александр Ванин

Истории одного города...

Александр Ванин

Истории одного города...

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43205840

SelfPub; 2019

Аннотация

Прочитав собранные в данной книге истории, вы сможете хотя бы на миг ощутить всю боль и страх пережитый матерью разделенных сыновей, а может, всего лишь на мгновение испытаете безграничную любовь Катеньки или откровенный шок блогера Маркиза... Откроете для себя не оставляющие никого равнодушными чувства.

Мать

Невольно содрогаясь при каждом залпе орудий, рассекающем прохладу сентябрьского утра, по грунтовой тропе, изви- вающейся чёрной коброй между разбитой асфальтной доро- гой и сельским дворами, шла сутулая фигура. Двигалась она быстрее обычного, часто опираясь на трость, больше напо- минающего изогнутую сухую ветку, которую держала в пра- вой руке и изредка останавливалась на несколько мгновений, по-видимому, чтобы перевести дыхание.

Непроглядная тьма минувшей ночи спешно скрывалась за горизонтом, оставляя после себя безоблачную серую гладь. И хотя запоздалые солнечные лучи все ещё путались в де- брях старинного фруктового сада, возвышающегося на холме в восточной части селенья, их света все же хватало, чтобы украсить остатки мрачной вуали буро-красным оперением.

Стекающие в соседний яр клубы молочного тумана слов- но волны стелились под ногами фигуры, вздымались при каждом взмахе все той же трости.

– Доброго вам утра, тетя Клава! – радужно обратилась к фигуре рыжеволосая женщина, внезапно выглянув из-за штакетного забора одного из домов. – И куда это вы так спе- шите?

На несколько шагов фигура сбросила темп, обернувшись на голос, однако передумав, двинулась дальше, поразив ры-

жеволосую холодным, бесчувственным выражением лица.

– Неужели и вы нас покидаете? – вдогонку выкрикнула та, но не получив ответа, так же внезапно скрылась за забором что-то ворча себе под нос.

Удаляющуюся фигуру действительно звали тётёй Клавой или привычней для односельчан и жителей соседних селений – Клавдией Ивановной Гулько. Эта пожилая учительница, посветившая жизнь просвещению сельской детворы, всегда старалась привить ученикам не только любовь к собственному предмету, а именно к истории, но и такие человеческие качества, как отзывчивость, приветливость и доброта. Вот только теперь она и сама о них позабыла. Измученная ночным кошмаром, старуха едва дождалась рассвета и тут же засобиравшись в церковь, потому как иного избавления от странного, прежде не ведомого ей предчувствия чего-то ужасного, она не видела.

Наконец, за чередой дворов, в тени вышеупомянутого сада, у подножия которого стояла небольшая церквушка, показался православный крест. Заметив его, учительница снова ускорила шаг, как будто опаздывала на службу и больше не останавливались не на секунду, пока не достигла кованой ограды церковного двора, с декоративными золотистыми фигурами ангелов на ней. Прислонившись к прохладному металлу, она долго переводила дыхание, прислушиваясь к учащенным ударам собственного сердца.

Когда же дышать стало легче, а сердце практически вы-

ровняло свой ритм, она поправила цветастый платок, скрывающий белоснежную селену волос и перекрестившись, ступила за ворота. Внутренний двор, как она и предполагала, действительно был пуст. Ни голосов, ни даже пения птиц в нем не слышалось, как впрочем и в последние несколько месяцев, после того, как батюшка, сославшись на плохое самочувствие, покинул родную обитель, оставив ключи в дверном замке и несколько икон на иконостасе. Вслед за ним стали редеть ряды прихожан— местных жителей, по крайней мере тех, кому было куда уехать.

Провернув ключ, Клавдия Ивановна толкнула тяжелые двери, которые хоть с трудом, но все-таки поддались её натиску. Открывающийся полумрак, тут же встретил её приятным ароматом восковых свечей, давно пропитавшим стены помещения. Оглянув запустевшее здание, она снова перекрестилась и решительно вошла внутрь.

Ни секунды не гадая старушка направилась к иконостасу, скрывающему алтарь. Здесь, перед ликами Спасителя и Пресвятой Богородицы, она зажгла лампадки и долго крестилась, взирая на них так, как смотрит утопающий на виднеющейся вдалеке остров. Однако ужасные предчувствия никак не хотели покидать её и она, приблизившись к иконе Богородицы, опустилась перед ней на колени и отложив палку-трость в сторону приклонилась к полу головой.

– Пресвятая Богородица, Пречистая Дева Мария, – шептала старуха не отрываясь от пола, – велика милость Твоя в

Царствии Божьем и на земле нашей грешной. Прошу Тебя, услышь молитву мою: Прости меня, Пресвятая Дева, за грехи мои ведомые и неведомые и если будет на то воля Твоя, прошу, избави... – но тут она запнулась, услышав шорох позади себя. Постепенно он перерос в неуверенные шаги, которые доносились всё отчетливее и отчетливее, пока не стихли прямо за её спиной.

Онемевшая от страха, Клавдия Ивановна выровняла спину, но не подняться, не обернуться так и не решилась.

– Мама! Мама, это вы? – поинтересовался мужской голос позади неё, от легкой хрипоты которого тело старухи и вовсе обмякло, – Это же я, ваш сын Андрей.

Робко оглянувшись, словно боясь увидеть призрака, Клавдия Ивановна застыла в изумлении, увидев перед собой размытую полумраком мужскую фигуру, так сильно напоминающую её младшего сына. В её голове крутилась одна и та же мысль: " Не может быть..."

– Не бойтесь, Мама, – заметив её неуверенность, сказал Андрей и склонившись перед ней на колени повторил: – Это я... Я...

В редком отблеске света, спадающего с небольших окон, расположенных у самого купола, она сумела разглядеть бездонную зелень родных глаз, полную любви и нежности. В этот же миг старуха оттаяла и тихо протянула:

– Сынок...

С облегчением вздохнув, Андрей поднялся сам и поднял

мать на ноги.

Где-то в далеке всё ещё стреляли из орудий, оглушая бескрайние степи пугающим эхом, а совсем рядом, пробудившись, село наполнилось пеньем петухов и лаем собак. Возможно, даже солнце наконец возвысилось над фруктовым садом, только вот им теперь все это было безразлично. Они так и стояли бездвижно у иконостаса с зажжёнными лампадками и наслаждались долгожданной встречей пропитанной тысячью несказанных слов. Старуха-мать, склонив голову на грудь сыну, едва слышно всхлипывала, а он, нежно обняв её, глядел куда-то вдаль, сквозь полумрак и толстые церковные стены.

– Но как же ты тут?– прервав затишье, поинтересовалась Клавдия Ивановна. – Как сумел пройти? Ведь вокруг, Бог знает, что творится!

– Мамочка! Это настоящее чудо! После стольких попыток созвониться с вами или прислать хоть весточку я наконец сумел не только добраться к вам, но и добраться на машине. – Хитро улыбнувшись, признался Андрей. – Хорошо, что есть ещё добрые люди, которые сумели найти лазейку. Ну как вы тут? Как здоровье? Что с домом?

– Ой, сыночек, ты так не спеши. Давай лучше ты мне расскажешь о себе. А я пока послушаю, приду в себя. Тяжело уже твоей матери даются такие внезапные встречи.

– Да что мне рассказывать... Все хорошо, все живы – здо-

ровы... Очень ждут встречи.

– Встречи? – переспросила старуха, немного отстранившись от сына.

– Ну конечно, мамочка. Я же за вами приехал.

– За мной? – снова переспросила старуха, как будто не услышала с первого раза. В одно мгновение радостный блеск её глаз сменился глубокой печалью. Наклонившись, она подняла без дела валявшуюся трость и опершись на неё с трудом выдавила из себя: – Я никуда не поеду, сынок. Не стоило тебе приезжать.

– Но почему? – возмутился Андрей, поражённый резкостью её слов.

– Потому, что я не могу бросить дом, в котором прожила всю жизнь.

– А что тут бросать... старую мебель и пять курей?

– Дело не в курах, Андрюшенька. Это мой дом и я не позволю растащить по дворам все, что я собирала и строила всю жизнь.

– Ой, мама! Поймите, сейчас не до ваших принципов. Ещё несколько дней и война доберётся и сюда. Вам нельзя оставаться!

– Прошу тебя, – виновато пряча глаза, вымолвила старуха, – хватит об этом...

– Господи! Мама! Да что с вами? – вновь приблизившись, спросил Андрей, взяв её за ладони. – Почему вы не хотите меня послушать?

Его ладони были крепкие, но она все же чувствовала их дрожь. И хотя ей было больно смотреть ему в глаза, Клавдия Ивановна всё— таки не сдержалась — таким разбитым и растерянным, она ещё не видела своего сына.

— Прощу тебя, сынок, уезжай... — сквозь ком в горле прошептала она.

— Если вы останетесь, то и я тоже...

— А как же семья? Как им жить?

— Но, ведь вы тоже моя семья... — вложив все своё отчаяние в слова, ответил Андрей.

Не видя иного выхода, Клавдия Ивановна все же решилась признаться. Сдерживая волнение и собственную дрожь, она старалась говорить как можно убедительней, без слёз:

— Пойми, сынок. Если я поеду с тобой, то придам Федю, который так же предлагал к нему переехать, а он для меня такой же сын, как и ты... Пусть даже вы совсем разные...

— Тогда поезжайте к нему, — перебил её Андрей, обрадовавшись появившемуся выходу из тупика, — я все пойму, лишь бы вы были в безопасности. — однако заметив сомнения в её взгляде, тут же добавил, — я пойму, мама. Честно.

Старуха опустила глаза, словно пытаясь отыскать нужные снова на пыльном каменном полу. Молчание вновь наполнило стены церкви, но ненадолго. Спустя несколько секунд, которые Андрею показались вечностью, она все же сказала с такой горечью в голосе, что его ладони ослабли сами по себе и руки безвольно повисли в воздухе: — но если я уеду к нему,

то потеряю даже надежду увидеть тебя и внуков.

* * *

Медленно, едва передвигая ноги, шла Клавдия Ивановна из церкви. Со стороны даже казалось, что трость, без которой она давно не могла ходить, вовсе не открывается от земли, а просто тянется за ней. Давно оседшее на небосводе солнце светило ей в спину и согревало каким-то особенным теплом, от которого у неё был озноб. Немного опережая, но все же шагая след в след с ней двигалась её тень. Старуха видела её сквозь пелену горьких слез, вырвавшихся на свободу сразу после прощания с сыном, и эту извилистую дорогу, но совсем не придавала этому никакого значения. Просто шла – сутулая, измученная, с разбитым сердцем.

Далеким и неразборчивым эхом доносились до неё голоса людей проходящих мимо, с их размазанными силуэтами. Перед глазами, словно никуда не уходил, все ещё стоял Андрюша, с его натянутой на печаль улыбкой и бесконечным унынием в глазах. А ещё его последние: "До свиданья, мамочка! Я люблю тебя!"

Это расставание далось ей непросто. Не так, как в прошлый раз, когда два её сына, прожившие всю жизнь плечо к плечу, разъехались из отчего дома по разные линии фронта, проклиная друг друга из-за разных политических убеждений. Тогда, восемь месяцев назад, у неё ещё была хоть какая-то надежда. Теперь же она знала наверняка – Андрей

прощался навсегда, пусть и сам не осознавал этого.

Неожиданно Андрей стал совсем маленьким, как в давно позабытом прошлом. Он сидит на ковре, в их небольшой спальне, играет оловянными солдатиками, отобранными у старшего брата. Лицо его сияет от счастья, глаза горят, губы что-то шепчут неразборчиво и не внятно. Ему сейчас три года или чуть больше. Рядом с ним за столом, с очень серьезным и сосредоточенным видом сидит Федя, уткнувшись лицом в школьную книгу.

– Клавдия Ивановна! Клавдия Ивановна! Что с вами? – донеслись до неё слова сквозь воспоминания, – Вам плохо?

Приподняв, тяжелую будто камень голову она заметила мужчину, стоящего рядом, и женщину державшую её под руку и пристально заглядывающую ей в лицо.

– Вам плохо, Клавдия Ивановна? – допытывалась она, не отводя глаз. – Может фельдшера позвать? Или таблеток каких принести?

– Нет... нет, – ответила старуха, прокашлявшись, – не беспокойтесь.

– Но, как же? Ведь вы стоите тут, вся бледная, о столб опершись...

– Не переживайте... уже все прошло. – заверила старуха еле шевеля губами.

– Может воды, хотя бы? – предложила незнакомка и бросила грозный взгляд на мужчину: – Юра что ты стоишь?

Мужчина, по-видимому, понимавший её с полуслова, тут

же исчез. А спустя несколько минут вновь появился, но уже с железной кружкой в руках.

– Пейте, Клавдия Ивановна, – выхватив у него кружку, настаивала она, – пейте.

Сделав несколько маленьких, а после и пару больших глотков старуха действительно почувствовала себя лучше. Прояснился взгляд и дышать стало легче. Хотя своих спасителей она никак не могла вспомнить.

– Ну вот видите, – довольно улыбнувшись сказала незнакомка, – Хоть цвет на лице появился... Может передохнете у нас дома? Тут совсем рядом.

– Спасибо, милочка, но мне все таки лучше домой пойти. – ответила старуха, отлипнув от столба.

– Ну, тогда мы вас проводим, хорошо?

– Если только вы настаиваете...

– Юра, помоги. Что опять стоишь, как вкопанный.

По команде незнакомки Юра вновь ухватился за кружку и исчез.

Шли они долго. Утренняя приткось покинула старуху. Женщина поддерживала её за свободную руку. Мужчина плёлся где-то сзади. Впиваясь траками в асфальт, мимо них проехало четыре танка, облепленные, словно мухами, военными в черных масках. Вслед за ними тянулись несколько грузовиков с тентованными кузовами.

Не подавая вида, они шли дальше, пока впереди не показался дом Клавдии Ивановны. Знакомые, выбеленные добе-

ла, стена прибавили старухе сил и она даже немного ускорила свой шаг, но вдруг почувствовала, что незнакомка придерживает её.

– Мы, наверное, пойдём, Клавдия Ивановна, – сказала она, косясь на грузовик, стоящий в тени старого орешника, напротив дома старухи. – Вы дальше сами, хорошо?

Уловив испуг в голосе незнакомки старуха закивала головой и отпустила провожатых в обратный путь:

– Спасибо, милочка. – сердечно поблагодарила она их в след. – И вам Юра тоже...

Не оборачиваясь, они двинулись обратно, а Клавдия Ивановна пошла к дому.

– Мама! Мама! Здравствуй, родная! – вылезая из кабины прокричал мужчина в заношенной военной форме так, как будто она находилась в ста метрах от него, а не в десяти. – А я сижу, гадаю – ты идёшь, не ты...

– Здравствуй, сынок! – ответила старуха остановившись.

Немного покачавшись, Федька подошёл к ней и жарко расцеловал в обе щеки, обдав при этом легким перегаром.

– Как же я соскучился за тобой...

– Да я уже почувствовала, как соскучился, – показательно помахав перед носом ладонью съязвила Клавдия Ивановна, не переносившая его пьяным.

– Да я немного, мам... работа такая, – попытался оправдаться Фёдор, но запнулся, пристально рассмотрев мать, – А ты что такая кислая? Случилось что-то... или не рада ви-

деть?

– Да что ты, сынок, конечно рада. Просто устала немного... – объяснилась старуха, стараясь выдавить из себя улыбку, которая была больше похожа на гримасу.

– А-а-а, – понимающе закивал Федя, – Ну а в дом позовёшь?

– Конечно, сынок. Это же и твой дом.

– Ну и славно. Эй, Серый – обернувшись, обратился он к водителю, – давай за мной... И рюкзак мой прихвати.

Тяжело опираясь на трость старуха направилась к калитке. Обогнав мать, Федя сам открыл засов и учтиво пропустил её вперёд. Не спеша пройдя во двор, она тут же направилась к дому, похлопывая ладонью по карману с ключами, будто проверяя их наличие.

– А кто это был? – поинтересовался Федя, подозрительно рассматривая удаляющуюся парочку. – Ну, эти... что с тобой шли.

– Так это Семеновы были, – на ходу придумала старуха, зная о его придирчивости ко всему и всякому.

– Ага... а что они так резко ушли, – волочась за матерью допытывался он.

– Да я их и отправила, – остановившись у крыльца объяснила старуха. – Дурно мне стало, когда из церкви возвращалась, они и предложили провести...

– А они нормальные? – перебив мать спросил Федя.

– Да кто сейчас нормальный... – ответила она, достав из

кармана ключи, – Поможешь?

– Конечно, – согласился он, смеясь над умозакланием матери.

Ловко преодолев четыре ступени в два шага, Фёдор вмиг щелкнул замком и вошёл внутрь, оставив дверь открытой.

– Ну а так, по селу, никого подозрительного не встречала? – продолжал он разуваясь.

– А кого я могу видеть, сынок? – поднимаясь по ступеням отвечала старуха – мать, – Я ведь, кроме как под ноги, никуда не смотрю. Да и за двор выхожу лишь на службу...

– Вот видишь, ма. Ты и на крыльцо еле-еле взбираешься. – выглянув в дверной проем, заметил Федя. – Зачем ещё и в церковь ходить? Тем более, в прошлый раз ты говорила, что батюшка смылся... Ой, прости, уехал... Вернулся что ли?

– Да, где уж там... – отдышавшись, с грустью ответила она и направилась на кухню.

– Тем более... Его нет, а ты все бегаешь.

– Так я же не к батюшке хожу, а к Богу, – указав пальцем в потолок объяснила старуха.

– Ну-у, опять двадцать пять, – облокотившись о дверную лутку возмущился Федя. – Посмотри вокруг, мама!

– А что смотреть! – остановившись у стола, удивилась она, – Я здесь всю жизнь прожила, все видела.

Измотанная старуха присела на стул у стола и подперла голову рукой. Ей никак не хотелось спорить со старшим сыном, тем более, после расставания с младшим.

– Да я не про то..., – отмахнувшись рукой, вошёл в комнату Федя. Я про войну... про ребят, что гибнут так из-за этих сук... понимаешь? Нет здесь Бога, Мама. Нет!

Старуха глянула на него так, словно обдала кипятком. Ошарашенный Фёдор, никогда не видящий её такой, тут же замолчал, поняв, что переборщил. Но спустя несколько минут выкрикнул:

– Серый! Ну где ты возишься?

– Захожу, Федь. Захожу, – ответил тот из коридора, споткнувшись о стоящую обувь.

– Ну, наконец-то, – выдохнув Федя, увидев товарища. – Заблудился, что ли?

– Здравствуйте! – поздоровался гость, войдя в комнату.

– Здравствуйте!, – кивая головой ответила хозяйка, пристально разглядывая обоих:

"Они были очень похожи" – подумал она. "Оба невысокого роста, оба круглолицые и весьма упитаны, даже выбриты были одинаково – наголо. Вот только Федя более разговорчив." Однако, опомнившись, тут же указала гостю на диван, стоявший в углу комнаты, взмахнув в его сторону тростью. – Вы присаживайтесь. Я пока чайник разогрею.

– Нет, нет. – протягивая Феде рюкзак, возразил гость, – Нам ещё колону догнать нужно. Я в машине подожду. До свидания! – попрощался он и вышел наружу.

– Мы харчи везём на передовую, – как-то резко поменявшись в лице, сказал Федя, а поставил на стол рюкзак доба-

вил, – Здесь моя доля...

– Куда же мне столько, – растеряно улыбнувшись, удивилась старуха.

– Бери, – настоял Федя, хлопая по рюкзаку, – Тут консервы какие-то, тушенка... Вообще разберёшься.

– Но...

– Никаких "Но". Кто его знает, когда снова приеду...

Последние слова встревожили старуху, вернув то ужасное ощущение потери, которое она испытала сегодняшним утром, прощаясь с Андреем. Она попыталась заглянуть ему в глаза, но он отвернулся уставившись в пустой угол.

– Ты прости меня, мама. – тяжело дыша, прошептал Федя. – Прости за все.

– Да что ты, сыночек...

– Что говорил, что делал... Я ведь не со зла... Понимаешь?

– Сыночек. Миленький. Ну чего ты.

Федя развернулся к ней лицом и она сумела разглядеть его раскрасневшиеся глаза и слезы на щеках.

– Мне пора, – сказал он на прощанье и подойдя к матери, крепко сжал её в объятиях. – Я люблю тебя!.. Не провожай.

Клавдия Ивановна так и осталась сидеть на месте. Ни слов, ни слез у неё больше не осталось. Только жгучая боль в груди. Оглушив улицу, с трудом завёлся грузовик. Шум его двигателя ещё долго доносился до её дома, а потом как-то сразу исчез.

* * *

В эту ночь бои шли особенно напряженные. Всю ночь взрывы озаряли небо затянутое темными тучами. Казалось, что залпы доносились со всех сторон, а снаряды разрывались прямо у её двора. Ни на минуту не прекращала содрогаться земля, ни на мгновение не переставали дрожать стекла в старых оконных рамах её дома. Потом, ближе к утру, дождь и раскаты грома сменили боевые орудия.

Клавдия Ивановна не спала. Всю ночь она провела сидя в кресле, с маленькой иконой Богородицы в руках. Изредка, закрывая глаза от усталости она видела Андрея, с его натянутой улыбкой, а после заплаканные глаза Феде. Все это чередовалось, переплеталось, накладывалось один на один и она возвращалась из короткого забвения в свою гостиную, в своё кресло.

Около шести утра, как раз после того, как закончился дождь и свистящий за окном ветер разогнал исчерпавшие свои запасы тучи, пробудившееся летнее солнце пробивалось сквозь остатки разогнанных ветром туч, освобождая небо для пробудившегося солнца, со стола, укрытого белоснежной скатертью, внезапно упала фотография в рамке. Всего одна. Та, где обняв друг друга радостно улыбались её сыновья. Удар этой рамки о пол был едва слышен, но для неё он был сильнее всех набатов, которые она слышала этой ночью.

– "Сбылся проклятый сон..." – подумала Клавдия Ивановна, окаменев от горя.

Катенька

Чёрной вуалью, скомканной чей-то небрежной рукой, скрывалась за горизонтом последняя февральская ночь, открыв перед жителями восточного мегаполиса бескрайнюю синеву неба. Редкие облака плывущие по нему, розовели в лучах восходящего солнца. Вместе с рассветом в городе и его окраинах воцарилась тишина, такая редкая в это нелегкое время.

Пробужденная ею Катенька, как некогда прежде называла её покойная матушка, сладко потянулась на согретом ночью ложе. Смятое одеяло неприятно давило в бока девушки. Непринужденно откинув его в сторону, она обнажила своё худощавое тело в короткой ночной рубашке. Её веки были все ещё тяжелы, а перед глазами то и дело всплывали сюжеты едва растаявшего сна, но изнывающее от слишком долгого времени проведённого в постели тело принудило её взять себя в руки и присесть на край дивана.

– "Удивительная тишина..." – подумала девушка, вглядываясь в полумрак поглотивший комнату. – Завораживающая... – уже вслух заметила она и по привычке потянулась за телефоном, обычно лежавшим у изголовья, но найти его так и не смогла.

– Ну как всегда – опять где-то приткнула, – укорила себя Катенька, с сожалением вздохнув, но тут же опомнившись, отмахнулась от этой мысли, вспомнив, что уже больше чем пол года мобильная связь в их районе отсутствует.

Пробиваясь сквозь плотные шторы утренний рассвет ложился на стены с едва различимыми рисунком обоев и тут же переливался на острые углы хозяйской мебели. Рассматривая её очертания Катенька и не заметила как, погрузилась в себя. Путаясь в бесконечном потоке мыслей, заполонивших её окончательно пробудившееся сознание, она попыталась сосредоточиться хотя бы на одной из них, но все оказалась тщетно.

– Да что такое! – вспылила она, приложив пальцы к пульсирующим вискам, ожидая, что массаж последних хоть как-то поможет ей, однако и он был бессилён. – Ещё и этот запах...

Комната действительно была пропитана странным резким запахом, напоминающим смесь растопленного воска и сырости, обычно присутствующей в старых, плохо проветриваемых подвалах. Прикрыв нос, девушка постаралась не обращать на него внимания, но все же, не выдержав, кинулась к окну.

Легко раздвинув мрачные шторы, она тут же попыталась открыть форточку, которая, как назло, никак не поддавалась. Тогда, ухватившись за ручку двумя руками, девушка навалилась на неё всем весом. Мгновение спустя форточка подда-

лась, оглушив комнату протяжным скрипом. Высунувшись в окно, Катенька жадно вдыхала морозную свежесть первого весеннего утра, которая, заключив её в объятиях, не спеша заполняла всю комнату.

Наконец неприятный запах исчез, а вместе с ним растворился и хаос в голове девушки. Её всю трясло от холода, а на бледной коже выступила мелкая дрожь, но закрывать створку она не стала, а лишь немного прикрыла, боясь вернуться к исхудавшему, но такому дорогому ей дивану, однако замерла, вглядываясь в удручающий пейзаж за окном.

– Господи, что же они натворили!?! – прошептала она, едва сдерживая слезы. – Как же теперь нам жить?

Желая сбежать от реальности, девушка прикрыла лицо ладонями и попыталась представить себе что-то более приятное, но вопреки всему из головы никак не исчезала увиденная картина за окном. Да и как можно было стереть из памяти эти обглоданные снарядами серые стены домов, с их, по большей части, забитыми каким-то хламом окнами, или чёрные скелеты каштанов, стоявших по обе стороны раздроблённой бронетехникой дороги, укрытой грязно-серым покрывалом из снега и разбросанного мусора. Даже угнетающая и одновременно почему-то завораживающая безлюдность казалось ей неотъемлемой частью этого хаоса.

Осознав, что ей никак не избавиться от всего этого в своей голове Катенька ощутила резкое желание сбежать куда-нибудь, пусть даже на край света, но... Оно тут же исчезло, сто-

ило лишь солнечным лучам прорваться сквозь монолит многоэтажек, расположенных неподалёку и согреть её теплом, ослепив бездонную зелень глаз. Прикрыв их, она наслаждалась этим новым чувством и окунулась в свои воспоминания.

В них она вот так же стояла у окна далеким июньским утром. Так же было ясно и солнечно. Легкий ветер, прорываясь сквозь пышную крону каштанов, доносил до неё прохладу растаявшей ночи. Где-то вдалеке слышался гул машин, а под окном, скрываясь в тени деревьев, неспешно шагали прохожие.

Она ожидала прихода мужа, который с минуты на минуту должен вернуться с работы. От предвкушения встречи у неё дрожали колени, а сердце вырывалось из груди словно это была их последняя встреча.

Наконец-то из коридора донёсся глухой звук открывающегося замка и едва ощутимый сквозняк пронёсся от входной двери в зал, где приласкав её, вырвался в раскрытую створку окна. Вслед за ним, стараясь двигаться как можно тише, в комнату вошёл её любимый, не спеша, словно растягивая удовольствие, а она оставалась бездвижной, стараясь не выдать собственное волнение.

– Доброе утро. – прошептал он, обнимая её за талию.

– Доброе утро. – ответила она, прикрыв глаза от удовольствия.

Он нежно целует её в шею и прижимает к себе ещё крепче: – Как спалось самой прекрасной девочке в мире?

–Ты же знаешь, без тебя всегда плохо, – отвечает она, повернувшись к нему лицом.

Они встречаются взглядом и утопают в любви пылающей в них. Потом он целует её в губы так, будто это их последний поцелуй и они таят в объятиях друг друга.

–А как вел себя наш ангелочек? – прервавшись на миг интересуется он, проведя крепкой широкой ладонью по её щеке.

В одно мгновение окружающий её мир меркнет вместе с нахлынувшими воспоминаниями, оставляя после себя лишь резкую боль, пронзившую её словно разряд тысячи молний. Вцепившись в подоконник, Катенька едва сдерживается от падения и тут же застывает в немом оцепенении.

Только тогда, когда её пальцы посинели от напряжения, она приходит в себя и тут же бросается к детской комнате.

* * *

То разделяясь на десяток самостоятельный стонов, то сочетаясь в одном монотонном рёве, по окраине города разносился вой клаксонов. Ещё недавно это могло означать многое, например движение свадебного кортежа или приветствие футбольной команды, но сейчас это говорило лишь об одном – в разбитые районы везут запасы воды и пищи.

В ответ на оглушающие звуки дворы наполнились людьми и даже бродячими животными, по-видимому ожидающими,

что и им что-то перепадёт. Не остались в стороне и Катины соседи, хотя в их районе этот рёв был едва слышен. Сначала по одному, а после и целыми семьями, они выходили из своих подъездов, радушно приветствуя друг друга.

Катенька заметила их из окна детской комнаты, когда одергивала шторы, но особого значения этому не придала вернув своё внимание кровати, где мирно сопя, спала её шестилетняя дочь – София. Присев на колени, молодая мама поправила сползшее на край одеяло и нежно поцеловала её покрасневшую щеку. В ответ девочка отвернулась к стене, уткнувшись лицом в лежавшую рядом куклу.

– "Ну конечно, как всегда вместе..." – довольно улыбаясь, подумала она – "Прям не разлей вода..."

Стараясь не потревожить дочь, Катенька отодвинула её верную подругу в сторону и убрав сползшие на лицо золотистые кудри снова поцеловала.

– Как же сильно я тебя люблю, моя Софи! – шептала она, поглаживая сжатые в кулачки ладошки, – Больше жизни люблю, мой ангелочек!

Её лицо сияло от счастья так, как может сиять лицо матери, впервые увидевший своё дитя и в тот же миг осознавшей, что уже не сможет прожить без него. Ей так хотелось прижаться к ней, утопить в океане своей любви и ласки, бесконечно повторяя свои признания, но потревожить сон девочки она так и не решилась. Оглянувшись по сторонам, Катенька лишний раз убедилась в безопасности девочки и только

тогда покинула комнату, намеренно оставив дверь открытой.

Истратив последние запасы воды, она окунулась в заполненную до краев ванную и прикрыла глаза, ощущая неудержимую слабость во всем теле. Отбросив все удручающие её мысли, Катенька покорилась этим влажным объятиям и кажется, отключилась всего на миг, как вдруг почувствовала на себе чей-то пронзительный взгляд. Нехотя приоткрыв глаза, девушка тут же окаменела от ужаса – с противоположной стороны ванны погружённая в воду, на неё смотрела София. Золотистые кудри девочки были испачканы жирными пятнами крови, а глаза заполнены пылающей огнём мглой.

– Почему ты оставила меня, мамочка? – прошептала она сквозь зубы и потянулась к ней, достав из воды окровавленные ладони.

Катенька попыталась вырваться из объятий ванной, но тело её совсем не слушалось, тогда она взмолила о помощи, стараясь кричать как можно громче, однако кроме едва различимых писклов, ничего не смогла выдать из себя. Девочка приближалась всё ближе, будто растягивая удовольствие, а Катенька слабела на глазах. Наконец, она сдалась, окунув комнату в былое затишье.

Черноглазая девочка, так сильно похожая на дочь, внезапно остановилась. До Катеньки ей оставалось всего – ничего несколько сантиметров.

– Зачем ты оставила меня, мамочка? – повторила она, впиваясь взглядом в огромные, полные страха глаза Катеньки и

тут же вцепилась в её горло.

Вскочив из ванной, словно ошпаренная, Катенька прижалась к двери, тяжело откашливая мыльную воду, её тело судорожно дрожало. Озираясь по сторонам она пыталась найти ужасное подобие своей дочери, но темнота была пуста, как и ванная в которой все произошло.

– Это был сон... просто ужасный сон, – успокаивала себя Катенька, все ещё настороженно осматривая комнату. – Блин, я же никогда не спала в ванной...

Стараясь не шуметь, она на цыпочках подошла к детской, оставляя после себя мокрые следы на полу. Её малышка все ещё спала, уткнувшись лицом в подушку. Увидев её Катенька с облегчением выдохнула свои страхи и вернулась в ванную, чтобы закончить начатое.

– "Это надо же, ни разу не засыпала... А тут раз... Такого ужаса я никогда не видела..." – размышляла хозяйка, с зубной щеткой во рту. Её размытое отражение в зеркале скрывало все те эмоции, которые бурлили в ней, словно лава в вулкане. – "Довели всё– таки... Своей войной проклятой... Эх-х, был бы жив Геночка... Он бы обязательно увёз нас куда-нибудь, лишь бы подальше от всего этого дурдома." – продолжала возмущаться она, не заметив, как в входящую дверь постучали. Только тогда, когда стуки стали громче и настойчивее, девушка обратила на них внимание:

– "И кому это не спится?!" – ополаскивая рот после зубной пасты, удивилась она. – "Так и Софийку разбудят..."

Накинув халат и укутав мокрые волосы полотенцем, Катенька подошла к двери и заглянула в глазок, после чего недовольно щелкнула замком.

– Катюша, доброе утро! – тяжело дыша поздоровалась Зоя Михайловна, тучная пожилая соседка по тамбуру.

– Здравствуйте, тетя Зоя. – равнодушно ответила хозяйка.

– Ну как ты тут? Держишься? – поинтересовалась названная гостья.

– Все хорошо. Спасибо.

– Наконец-то я тебя застала. Как не постучу, никто не отзывается. Уезжала куда-то что ли?

– Да нет... Дома была – безучастно ответила Катенька.

– Ну да ладно, – отмахнулась рукой гостья. – Ты прогуляться не хочешь? Там такая чудная погодка... Все наши, кха... кха..., собрались, – предложила она прерываясь хриплым кашлем.

“Нашими” тётя Зоя в последнее время называла соседей по дому, не покинувших свои имения.

– Нет. – Сухо ответила Катя. – Мы пока дома посидим.

– Мы? – удивилась Зоя Михайловна и снова протяжно закашлялась.

– Да, мы. – Подтвердила девушка, не обращая внимания на удивление гостьи. – София ещё спит. Да и мне нужно завтрак готовить, так что... Да и к стати, бросайте уже курить тётя Зоя.

После этих слов и без этого большие глаза соседки расши-

рились до неузнаваемости. Она попыталась что-то сказать, но никак не могла остановить злосчастный кашель.

–Ладно, тётъ Зой, я пойду... – оборвала беседу Катенька и захлопнула дверь.

Возможно, она бы и обратила внимание на довольно странное поведение соседки и эти непонятные выражения "Наконец-то застала" и "Мы?", но ей действительно нужно было браться за завтрак, поэтому списав все на старческий маразм, девушка занялась любимым делом.

Напевая мотив любимой песни она так увлеклась готовкой, что и не заметила, как шлепая босыми ногами об пол, в кухню зашла София с любимой куклой в руке.

–Доброе утро, мамочка! – поздоровалась она, щурясь от солнечных лучей заливавших комнату.

–Ой! Доброе утро, солнышко! – немного опешив, ответила Катенька и тут же, отложив готовку, подошла к дочке. – Напугала меня. И почему ты босиком по холодному полу ходишь?

–А я не нашла тапочек, – оправдалась девочка, обняв мамины ноги.– Мы с Дашей искали, искали... и не нашли.

–Ну, ничего, мой ангелочек, – подняв её на руки, заверила Катенька, мы сейчас пойдём и вместе поищем.

Поняв, что ругать её никто не собирается, София лишь крепче прижалась к матери и неустанно целовала её, пока они шли в детскую.

–А что это там пахло, мамочка?

–Ты заметила всё– таки?

–Угу... – протянула девочка.

–Это мамочка приготовила тебе сюрприз. Угадай, что? – раззадоривала её Катенька.

–Ну, не знаю... – подыграла София, давно догадавшаяся, о чем идёт речь. – Может блинчики?

–Конечно блинчики, – подтвердила она, усаживая дочь на кровать. – Ты увидела, что ли? Так быстро угадала.

–Ура! Мы с Дашей любим блинчики. – хлопая в ладоши обрадовалась София.

–Ага, особенно Даша. – сыронизировала мать, доставая из под кровати разбросанные тапочки. – Только для начала кое-кому нужно умыться и почистить зубки...

–Хорошо мамочка, – перебила её девочка, спрыгнув с кровати. – Только Даша пойдёт с нами.

–Кто бы спорил, – улыбнувшись согласилась Катенька и взяв Софию за руку повела в ванную.

Совсем скоро любящая мать и не менее любящая её дочь со своей куклой-подружкой сидели за столом небольшой, но уютной кухни.

Разыгравшееся солнце веселило их своими юркими лучами, снующим то по стенам, то по столу хозяйки и дарило непередаваемое чувство, пробуждающее в Катеньке надежду на то, что всё совсем скоро вернётся на свои места. Вот только одно её смущало и когда они были в ванной, где беззаботно шутили друг на другом нарочно брызгаясь водой, и

сейчас , за столом с ароматными блинами, – ей все время казалось, что все это когда-то уже происходило с ними, что это какое-то дежавю. К тому же и в глазах Софии она не замечала прежней искры, словно угасающая пламя она исчезла во мраке ночи, оставив вместо залы глубокую печаль, ограниченную пустотой.

Убрав со стала она взялась за мытье посуды, а София, приставив стул к окну, вскарабкалась на него и усадив Дашу на подоконник, принялась разглядывать двор.

–Мамочка, там столько деток гуляет... – с сожалением заметила она.

–Не грусти солнышко , я сейчас закончу и мы тоже выйдем прогуляться , – попыталась подбодрить Софию мать , но девочка словно не слышала её, только бормотала что-то не разборчивое себе под нос.

–Что ты там говоришь? Здесь вода шумит, я не расслышала.

–Слишком поздно... – уже громче повторила девочка, не отрываясь от окна.

Катенька застыла с тарелкой в руках. Никогда прежде она не слышала от неё такого отчаянного безразличия, от чего не смогла подобрать нужных слов, однако едва она собралась с мыслями, как из коридора донёлся глухой стук в дверь.

–Я на минутку, хорошо? – отложив тарелку, предупредила она Софию, но так и не сумела покинуть комнату.

Поднявшись на табурет, девочка повернулась к ней ли-

цом. Крохотные слёзы стекали по её щекам и падая на кожаную обивку стула разлетались по сторонам.

– Не оставляй меня, мамочка! – взмолилась София, – Прошу тебя, не открывай двери...

– Ну что ты... что ты, милая? Я ведь на минуту всего... – подбежав к дочери, принялась успокаивать её Катенька.

– Не оставляй меня, мамочка! – Безудстанно твердила девочка, будто заезженная пластинка.

– Я никогда не оставлю тебя, – шептала Катенька, прижав к себе дочь. – Слышишь? Никогда...

Но, как назло, в двери продолжали стучать. С каждым разом все сильнее и сильнее, отчего Софии становилось ещё хуже. Её маленькая тело охватила жуткая дрожь. Она то и дело пыталась вырваться из материнских объятий, постоянно твердя: – Не оставляй меня... не оставляй меня.

Приложи в ладони к лицу дочери, Катенька склонилась и попыталась заглянуть в её глаза, чтобы казаться убедительней:

– Софи... – начала она, но оборвалась, заметив, что успокаивает не дочь, а ту самую девочку из сна, что приснился в ванной.

– Там так холодно, мамочка... И совсем никого нет... – Загадочно говорила черноглазая Софи – не оставляй меня, мамочка...

Застывшая от испуга Катенька ничего не отвечала. Последнее что она почувствовала – это невероятная слабость

в ногах. Мгла из Софииных глаз перешла на неё, проникая безболезненно в её сознание через взгляд и увеличиваясь стократно с каждым ударом сердца, которые доносились все реже и реже. Спустя мгновение Катенька потеряла сознание.

* * *

Очнулась хозяйка квартиры от залпов оружия, содрогающих оконную раму. Ужасная головная боль прижимала её к кровати. Единственное, на что ей хватило сил – это оглянуться по сторонам.

–Ну, слава Богу! – обрадовалась Зоя Михайловна, расположившись на том же ложе у ног девушки. – Что ж ты пугаешь старуху то? Всю ночь ждала, пока ты очнешься.

–Что произошло? – едва слышно прохрипела Катя. – Где я?

–Не волнуйся, родная, ты дома. – объяснила старуха. – Мы с Гришей Семёновым нашли тебя на кухне, без сознания.

–На кухне... – повторила за ней Катенька в недоумении.

–На кухне, – подтвердила соседка, – прямо на голом полу. Ты так странно вела себя вчера утром, что я решила вновь заглянуть, но на стуки в дверь ты не отреагировала. Я испугалась – не случилось ли чего. Хорошо, что Гриша спускался, из 124 квартиры, вот и помог, значит, двери сломать.

–Сломать?.. – переспросила девушка, все ещё не понимая, что произошло.

–Ну да. Ты не волнуйся, уже и починили, пока я с тобой тут возилась.

—А где София, Зоя Михайловна, — щурясь от боли, поинтересовалась Катенька. — Где моя девочка?

—Ох, доченька ты моя, — придвинувшись ближе, выдохнула старуха, — запомновала видимо, от горя то. Нет с нами Софии, больше месяца уж нет...

— Как это? Как нет? — выкрикнула Катенька, пытаясь подняться. — Что вы говорите, Зоя Михайловна.

От волнения лицо Катеньки покраснелось, а головная боль стала совсем невыносимой.

—Где моя дочь? Говорите, прошу вас, — вымолвила она сквозь слезы. — Почему вы молчите?

Не выдержав, разрыдалась и Зоя Михайловна. Сжав трясущиеся руки Катеньки в своих ладонях, она долго не могла подобрать слов. Лишь по-матерински ласково заглянув в глаза девушки, с трудом выдавила из себя несколько фраз:

—Как бомбить начали, наш район-то, так и зацепило Софийку осколками...

Убежище

Узкий проход, идущий между несущими стенами подвального этажа, разделяющими его на десяток комнат, пригодных лишь для обитания комаров и прочей нечисти, был пропитан зловонной сыростью и непроглядной тьмой, однако только он мог привести чету Ломакиных к единственной освещенной комнате расположенной в глубине строения и

выдающей себя едва различимым силуэтом двери, очерченной вырывающимся наружу светом.

Глава семейства – Глеб Васильевич, двигался первым, держа в правой руке небольшой, размером с зажигалку фонарик, освещающий им путь блекло-молочным светом, а левой придерживает спортивную сумку, висевшую у него на плече. Будучи профессиональным строителем он машинально высчитывает пройденное им расстояние от круто-спадающей бетонной лестницы, соединяющей первый этаж и подвал, до конечной цели. Несколько минут назад он делал тоже самое, когда вел семейство вдоль высокого фундамента этого дома, больше напоминающего цокольный этаж старинных застроек, под канонадой оглушительных взрывов содрогающих землю, которые доносились отовсюду вместе с ослепляющими вспышками яркого света. Вслед за ним, без конца чихая, шла его супруга Ольга – хрупкая женщина тридцати лет. Пустынные комнаты вторили ей короткими отголосками, угасающими где-то в их пугающей глубине. Она так же несла сумку на плече, но уже обычную женскую, а свободной рукой держала руку их двенадцатилетнего сына – Артёма. Он замыкал цепочку и время от времени ударялся о спину матери, не успевая реагировать на ее команды.

Склоняясь к земле при каждом ударе снаряда, вздымающим кирпичную кладь стен, они двигались словно на ощупь, впитывая страх витающий в воздухе будто губка воду. Страх размывающий грани реальности подобием действия слабого

наркотика или хорошей порции алкоголя. Единственное, что успокаивало – это приближающийся силуэт двери.

Наконец, старший Ломакин уткнулся в неё носом и прошептал: "Стойте." Окинув броским взглядом ржавое, покрытое влагой дверное полотно, он робко коснулся приваренной ручки, ощутив ее холод и лёгкое сомнение где-то в глубине души в правильности своих действий, ведь никогда прежде он здесь не был, зная о его существовании лишь по слухам, но внезапно серия ударов, раздавшихся так близко, что где-то позади них какой-то хлам с грохотом рухнул на землю, ускорила его и он тут же потянул её на себя.

* * *

Прищуриив отвыкшие от яркого света глаза он вошёл внутрь и немного сдвинулся в сторону, освобождая проход жене и сыну. Едкий запах костра лёгкой тюлью парил над комнатой и тут же окружил внезапных гостей, вырываясь из оков комнаты в распахнутые двери. Будто бы по немой команде все трое прикрыли нос рукавами.

–О-о, не волнуйтесь! – обратился к ним незнакомый, но вполне дружелюбный голос.– Совсем скоро вы привыкните к чаду. В конце концов это тоже, что провести ночь у костра. Поверьте моему опыту! Да и он всё же лучше, чем та гнилая сырость сквозь которую вы пробирались.– Со знанием дела закончил незнакомец, нарисовавшись перед их прозревшими глазами, наконец привыкшими к свету.

Этим незнакомцем оказался мужчина, на первый взгляд лет шестидесяти, с весёлым взглядом и жирными казацкими усами, одетый в шапку ушанку и почему-то в женский полушубок.

—А вот если прикрыть двери, то и чад перестанет на вас тянуть. Поверьте моему опыту!— всё с тем же присущим ему знанием дела добавил незнакомец и пристально осмотрел гостей, остановив взгляд на главе семейства.

Пока Ольга прикрывала двери Глеб попытался осмотреть помещение, смущённо отводя взгляд от взгляда незнакомца, но в очередной раз уткнувшись в него сказал:— Здравсьте!

—Здравствуйте!— повторили за ним жена и сын.

—Нет, ну это же точно вы!— вместо приветствия ответил он и довольно затряс Глеба за плечи. — Это точно он, поверьте моему опыту!— обратился он к кому-то позади себя.

—Простите, мы знакомы?— растеряно обратился Глеб к незнакомцу, сдвинувшись немного в сторону, словно прикрывая семью от незнакомого чудака.

—Ну что вы...— начал было тот объясняться, но был прерван очередной кананадой, разорвавшихся снарядов и как-то сразу поменявшись в лице добавил:— Не переживайте. В наше время растерять память совсем не удивительно, не так ли Глеб Васильевич ?

Услышав своё имя, Ломакин на мгновение вошёл в ступор, удивлённо вскинув брови.

—Что же это я,— продолжил незнакомец,— уже давно за

полночь . Вам с семьёй давно пора отдыхать. Я думаю, что там, за колонной, ещё найдётся пару свободных коек, – похозяйски указав рукой куда-то в глубь комнаты закончил незнакомец и развернувшись пошёл прочь.

Ещё несколько секунд супруги провожали его взглядом, а потом, переглянувшись, приступили к осмотру помещения. Оставляя лишь узкие проходы, в метрах пяти от них, были расставлены самодельные койки и стандартные кровати с металлическими и деревянными быльцами, заканчивая свой след где-то в глубине комнаты. На каждой из них возвышался холм из вещей или одеял, скрывающий под собой мужчину или женщину, а иногда и ребёнка. Но среди этого спящего царства были и бодрствующие люди– они собрались у большой самодельной буржуйки, согревающей, а заодно и зачудившей это помещение.

Выбрав направление семейство двинулось в глубь” царства холмов” и остановились лишь в самом его конце. Там, куда едва пробивался свет от лампы над входной дверью.

Сдвинув пару кроватей вместе, Глеб получил из них одно большое ложе.

–Садитесь,– сказал он жене,– я сейчас достану одеяло.

– Я положу куртку вместо подушки, а ты ложись сыночек.– перехватив эстафету обратилась Ольга к сыну. – Только разуйся, хорошо?

Мальчик выполнил просьбу матери и она укрыла его одеялом, протянутое Глебом.

—А ты?— Спросил её Глеб.

— Я прилягу рядом,— ответила она,— А ты укройся курткой.

—Ладно, разберёмся,— ответил Глеб,— Ложись скорее.

—Кто это был ?— прижимаясь к сыну спросила она,— Кажется он тебя знает.

—Не знаю я,— недовольно ответил Глеб.— Я сейчас вас укрою.

Присев на край кровати он первым делом подметил про себя, что здесь гораздо прохладнее, чем при входе и что скорей всего причиной тому была та самая буржуйка. Еще он чувствовал жуткую усталость, но от чего-то совсем не хотел спать. Закрыв глаза Ломакин отстранился от реальности, отсек не прекращающийся снаружи грохот, пытаясь услышать свой внутренний голос и понять, что делать дальше, но вдруг в какое-то мгновение услышал, казалось немые до этого момента голоса кроватных холмов. Где-то слева, видимо ближе к входу, кто-то протяжно храпел и этот храп выливался в простую незамысловатую мелодию. Всего в нескольких коек от него слышался плачь и всхлипывания, приглушенные толи подушкой, толи одеялом. А в самой гуще тьмы добрым нежным голосом какая-то незнакомка читала молитву. Даже неразборчивый спор заседателей у камина, к которым отправился чужак в женском полушубке, тоже был ему слышен.

Однако еще большей неожиданностью для Глеба оказались внезапно всплывшие из воспоминаний картины про-

шлого, в которых он не просто знакомится, а довольно свободно общается с тем самым незнакомцем в леопардовой шубе.

– «Я вспомнил!» – вскрикнул он про себя подскакивая с места – Я вспомнил! – уже вслух повторил он и вскинул руки кверху, как обычно делают болельщики на стадионе, невероятно довольный собой.

Ему тут же захотелось сообщить жене, но тут его снова осенило – вспомнив, где он находится и почему, Глеб осветил фонариком семью, снова поправил на них одеяло и тут же направился к компании знакомого незнакомца, ведомый жутким желанием поделиться с кем-то этой новостью и окончательной бессонницей.

Сегодня особенно часто быют... – сказал старик, сидя на старом пластмассовом ящике для бутылок. – Неужто пытаются прорваться? А, Глеб Васильевич? – резко обернувшись, обратился он к выбирающемуся из кроватного леса Ломакину.

Оцепенев от неожиданности, тот лишь растерянно пожал плечами, глядя на неопределенную улыбку старика.

– Вот и я теряюсь в догадках... – поворачиваясь на место, закончил он.

Не понимая, что теперь его больше будоражит – или воспоминания, или странное предчувствие старика, обнаружившего его еще на подходе, Ломакин не спеша обошел восседающую на ящиках компанию и остановившись спереди слева

от них тут же обратился к старику:

– Семен Аркадьевич, представляете, я все вспомнил!

– Что же вы вспомнили, Глеб Васильевич?

– 2009 год. Наше знакомство. Ваша библиотека...

– Ах это... ну что вы! Не стоило так себя утруждать, – наградив Глеба своей бессменной улыбкой заверил старик и подняв кочергу с пола принялся дробить ею жар в большой самодельной буржуйке, пламя которой окрасило его лицо багровым цветом.

– Да нет... Не то, что бы... Ни с того, ни с чего... – пытаясь подобрать слова, что-то невнятное затараторил Глеб, но тут же осекся, уловив на себе взгляды остальных членов «буржуйской» компании, полные явного недоумения.

– Может чаю, дорогие мои? – обратился к присутствующим Семен Аркадьевич, привлекая к себе внимание и тем самым выручив старого знакомого. – Чай сейчас будет очень кстати, поверьте моему опыту!

Присутствующие тут же оживились, засуетились и уже через миг у каждого из них в руках оказалась чашка, кроме старухи, сидевшей в противоположном от Ломакина крае и все время трусившей головой, как при дрожи.

– Глеб Васильевич, а вы? – обратился к нему старик в полшубке.

– А мне и не с чего, Семен Аркадьевич. – смущенно ответил Глеб Васильевич .

– Да вы присаживайтесь, что ноги бить. Вон ящик, в углу. За вами. – предложил старик и добавил – нашему брату, я имею ввиду славянину, было бы что, а во что он всегда найдет! Поверьте моему опыту...

Ломакин снял со стопки такой же, как и у остальных присутствующих, ящик из под пивных бутылок и перевернув его присел с краю. Тем временем Семен Аркадьевич заканчивал разливать чай сидевшим по правую руку от него, а закончив развернулся к левой стороне. В руках он держал большой заварник для чая, объемом не меньше литры, и не отводя глаз от протянутых к нему чашек, продолжил свое нехитрое дело. Когда из присутствующих чай был разлит всем, кроме Глеба и старухи, он протянул Ломакину чашку со ловами:– Прошу Вас!

В этот момент Ломакин отрешенно глядел на лапти дыма, периодически вырывающихся из стыков труб, и самой буржуйки, и делал вид что ему безразлично действие компании.

– О, спасибо! – тут же поблагодарил он и только теперь заметил, что из заварника ему наливают не чай, а прозрачную жидкость с резким запахом спирта.

– Понимаете, Глеб Васильевич, запасы иссекают, – начал объяснять Семен Аркадьевич, отвечая на немой вопрос в его глазах, – вот мы и решили с друзьями выпить такой себе «сакке». Результаты тот же, а расход меньше. Поверьте моему опыту.

Ничего не говоря, под продолжающийся снаружи об-

стрел, присутствующие практически одновременно опрокинули чашки с «чаем». И пока они жадно вдыхали воздух и занюхивали рукавами, Глеб неожиданно вспомнил о неизменных, еще со времен их первого знакомства, привычках Семена Аркадьевича: первая – это всегда и всех называть по имени отчеству; вторая – это с бессменной улыбкой заканчивать глубокую мысль выражением «поверьте моему опыту...»

– Слушай, Аркадьевич, может ты всё-таки познакомишь нас? – отставив свою тару, вдруг заговаривал сидевший справа от него мужчина, раскачивая на месте, словно на кресле-качалке и прижимая руками свое огромное пузо. – А то как то не по-мужски получается, выпивать выпиваем, а знать друг друга не знаем.

– И действительно, что это я! – опомнился старик, хлопнув себя по лбу ладошкой. – Дорогие мои, прошу любить и жаловать, Ломакин Глеб Васильевич – человек – золотые руки, уж поверьте моему опыту.

– «Золотые руки», говорите? – поднявшись и протянув руку для приветствия, сказал сидевший рядом с Глебом мужчина, лет пятидесяти. – Что ж, очень приятно. – Вениамин Честа – не отпуская руки представился он.

Пожимая крепкую, как сталь руку Честы, Глеб отметил про себя его пристальный изучающий взгляд и крепкое телосложение, спрятанное за спортивным костюмом. Прическу его он не рассмотрел, т.к. тот до некуда натянул серую вя-

занную шапку, но отчего то был уверен, что этот круглолицый мужик абсолютно лысый под ней.

– Вениамин Станиславович, чтоб вы знали Глеб Васильевич, заслуженный тренер по борьбе! Гордость, так сказать, нашего города. – подключился к беседе старик.

Глеб уважительно кивнул и отпустил руку нового знакомого, который, улыбнувшись краем губ, занял свое место.

Сидевший между Честой и Семен Аркадьевичем молодой человек, по крайней мере выглядевший как показалось Ломакину, моложе его, вставать не стал. Взглянув на него бесконечно уставшими глазами, он застыл в безмолвии, словно ожидая пока его представят. Будучи весьма смекалистым, Семен Аркадьевич не заставил его долго ждать и мгновение спустя сказал:

– Великов Павел Ильич, еще одна наша гордость, Глеб Васильевич. Музыкант в третьем поколении. Трудоголик областной филармонии.

«Немой» музыкант едва заметно кивнув головой и тут же отвернулся лицом к буржуйке. И хотя никто не упомянул инструмент на котором он играет, Глеб, обратив внимание на его ладони, был уверен, что это было неприменно фортепиано– уж больно длинные и тонкие пальцы, он грел вытянув вперед руки. Да и строгий костюм, толи черного, толи темно-синего цвета, в который он был одет, спрятав пиджак под пыльным тулупом, сам собой подталкивало воображение рисовать картинку, в которой этот шуплый малый, с надмен-

ным видом выходит на сцену и так же робко кланяясь, занимает свое место за фортепиано...

– Может кому «чаю» подлить? – сбивая с мысли Глеба, вдруг поинтересовался Семен Аркадьевич. – Есть хороший тост...

Коллектив снова засуетился, разглядывая содержимое своих чашек, но руки вперед протянули лишь заслуженный тренер и еще совсем не знакомый Глебу человек-«качалка» интересовавшийся его именем.

У Глеба тара тоже была пустой, но он решил пропустить.

– Так что за тост, Аркадьевич? – немного заплетающимся голосом спросил тот самый незнакомец, не дожидаясь пока наполнится его чаша.

– А я, дорогие мои, хочу выпить за тишину! – переключаясь на его тару, ответил он.

– За тишину? – удивленно переспросил Честа.

– Именно за нее. – подтвердил тот. – Разве не заметили, как вокруг всё стихло?

Присутствующие переглянулись и на несколько секунд замерли.

– Действительно угомонились, – подтвердил Честа и поднял руку с чашкой вверх. – За тишину!

Те у кого было что выпить – выпили, не произнося ни слова. Так приятно было это затишье. Ну а Глеб лишь одобрительно кивнул и чуть вытянулся вперед, пытаясь разглядеть ту самую старуху в противоположной стороне. Ее лицо слабо

освещалось, различим был лишь платок на голове и ладони. Это были маленькие морщинистые кисти и хрупкие тонкие пальцы, которые она потирала время от времени друг о друга.

Неожиданно для себя, он вспомнил свою бабушку, представляя ее, на месте этой старухи. Она тоже часто разминала ноющие суставы пальцев, изношенные тяжким колхозным трудом. Однако, только его сердце забилося барабанным боем, а на глаза накатила тоскливая пелена, как его вновь вернул к реальности голос чудака Семена Аркадьевича.

– Глеб Васильевич! – Слегка сиплым голосом привлек он к себе внимание и откашлявшись в рукав шубы, продолжил. – Вот, знакомьтесь, пожалуйста, заслуженный шахтер Украины – Стафийчук Евгений Игоревич.

– Здравствуй, – сухо сказал Стафийчук.

– Здравствуйте, – в пол голоса ответил Ломакин.

– Довольно интересный человек, – не обращая на них внимания, продолжал Семен Аркадьевич. – Вот уж никогда не думал, что шахтеры бывают так интересны...

– Не ты один, Аркадиевич... не ты один... – с досадой заметил Стафийчук. – А почему, собственно, «золотые руки»? Ты что, все умеешь делать? – переключился он на Глеба.

– Нет, – честно признался тот. – Только внутреннюю отделку помещений.

– А-а, «шабай» значит! – не сдержавшись, съязвил Стафийчук.

– Ну не совсем так, Евгений Игоревич. – Тут же возмутился Семен Аркадьевич. – По-моему сейчас не то время...

– Ну да, прости. Я видимо маленько охмелел.

– Ничего, – отмахнувшись рукой, ответил Глеб. – Многие так говорят. Ну, если не говорят, то думают точно.

– Ну вот и славно, широко улыбаясь сказал Семен Аркадьевич. – Не стоит сейчас накалять обстановку, уж поверьте моему опыту.

– Мир?.. – Подняв вверх ладони, словно сдаваясь в плен, предложил Стафийчук.

– Мир. – ответил Глеб, протянув ладонь, чтобы пожать руку Стафийчуку.

– Слушайте, Аркадиевич, – внезапно вступил в полемику заслуженный тренер, – так может паренек нас рассудит, а?

– Глеб Васильевич? – вскинув брови, протянул он, сказал Аркадьевич.

– А почему нет. Музыкант ведь не участвует. – добавил Стафийчук.

– И то верно. А что, давайте послушаем. Кому-то из нас троих может и повезет... – ответил старик.

– Давайте я? – развернувшись всем телом к Глебу, предложил Стафийчук.

Присутствующие, молчанием выразили своё согласие и он приступил, глядя прямо в глаза заинтригованному Глебу сказал.

– Так вот. Весь вечер мы только и делали, что спорили все

об одной вещи, точнее, об одном вопросе – «Что дальше?» Все сказанное повторять не буду, только основные формулировки: во-первых, Семен Аркадьевич. Он искренне верит, что долго это длиться не может и что на очередном «Минске», там 5 или 8, все же примутся окончательные решения, подходящие обоим сторонам и все уgomониться окончательно. Как по мне, все это хрень собачья; или к примеру я-привез детям денег, собранных из собственной пенсии и на тебе-попал в жопу... Обстрел, бомбежка, бегство сюда, в подземелье... И главное, я ведь говорил им поехали домой. Нет же. Говорят: «столько наживали – теперь не бросим». Они, кстати там, – указывая на «кроватьные уголья» рукой, недобро скривился он, – оберегают теперь нажитое. Ну да ладно. Теперь не о том. Я приехал оттуда, с «независимой», и утверждаю наверняка, там так прорабатывают мозги, что если бы я не видел того, что здесь твориться, то через год и сам бы поверил, что Донбасс оккупирован сепаратистами, а местные жители живут в страхе за собственную жизнь под дулом русского «Калашникова», поэтому их надо бомбить, – от последних слов Стафийчук, расплакался, так сильно ему стало не по себе. Однако спустя минуту, он взял себя в руки и глубоко вдохнув продолжил, не отводя глаз от внимающего Глеба. – И , наконец, мой новый друг Вениамин. Вень, ты прости, конечно, но это уж совсем не в какие, понимаешь?.. Предполагает, что скоро к ним присоединится весь Юго-восток Украины и они чертовых «бендер» в границы их исто-

рической родины – в закарпатские леса, туда где Советская власть, кстати с горем пополам добила последних из сопротивлявшихся... Правда еще пару десятков лет после ВОВ. – Он закончил, тяжело выдыхая, с досадой глядя на пустое дно своей чашки. Но потом все же добавил. – Так что ты думаешь? Возможен хоть один вариант?

Смущенный впившимися в него глазами, ожидающими ответа, Ломакин вначале взглянул на Стафийчука, а после на тренера и музыканта, который внезапно тоже решил послушать его, однако остановился он все же на невозмутимом взгляде Семен Аркадьевича. Его бесконечно добрые глаза хоть и впились в него, но ни капли не смущали.

– Вы знаете, наверно каждый из вас может оказаться прав, – неуверенно начал Глеб, – никто не может знать наверняка, но мне от чего-то хочется сказать избитую фразу – «За кем правда, тот и победит...»

– И это все? – удивился Стафийчук.

– Такое мнение? – уточнил тренер. – Всё, что ты можешь сказать!

– Успокойтесь, прошу вас. – обратился Семен Аркадьевич к возмущённым собеседникам. – Его мнение, как и наше тоже имеет право на существование. Не так ли? Евгений Игоревич... Вениамин Станиславович...

Видимо, проникнув большим уважением к этому старику в полушубке, присутствующие тут же угомонили свой пыл, но тот видимо и сам был не удовлетворён ответом Глеба и

все-таки решил уточнить:

– Глеб Васильевич, а как же быть, если у каждого из нас своя правда?

– Не знаю, – пожав плечами, ответил Ломакин, – тогда может тот победит, за кем правда перед Богом.

– О-о, прошу Вас, только не о Боге сейчас... – внезапно возмутился старик.

– Но как же?..

– Да так, Глеб Васильевич. Вы уж простите меня за тон, но я родился и прожил жизнь при коммунизме. Все что я имею, я заработал честным путем. Все что есть в этом городе, построили люди для людей. Построили при советах, прошу учесть. И никакой религии у нас не было... Поверьте моему опыту. – Закончил Семен Аркадьевич, изобразив на лице хоть и поддельную, но все же улыбку.

– Вы же сами спросили... – виновато ответил Глеб.

– О-о, я снова прошу прощения, Глеб Васильевич, – повторил старик. – Просто я всегда немного не в себе, когда вспоминают о Боге. Как истинный атеист я лично не понимаю, почему люди сами натворив дел, надеяться что он всё исправит... Кем бы он не был...

Больше не произнося ни слова, старик снял с буржуйки разогретый заварник и принялся разливать по кружкам «чай», так же безмолвно протянутым ему на встречу. В этот раз Глеб тоже не остался в стороне. Переглянувшись, все четверо снова выпили и снова занюхивали руками, жадно

вдыхая воздух.

За стеной по-прежнему царила тишина. Взглянув на часы, Глеб удивившись, как быстро шло время, сказал вслух:

– Третий час уже, представляете?

После, он без команды вышел из комнаты и при свете фонарика отобрал более-менее подходящие для топки куски фанеры и досок. Набрав полную охапку, он вернулся обратно и скинул ее у ног Семена Аркадьевича.

– Благодарю Вас! – кивнув головой, сказал старик, присаживающемуся на свое место Глебу.

– Может повторим? – спросил уже совсем охмелевший Стафийчук, теперь уже раскачиваясь не взад вперед, а по окружности будто Юла.

– К сожалению, Евгений Игоревич, это были последние капли наших запасов. – ответил ему старик, перевернув заварник вверх дном для большей убедительности.

Окончательно поникнув, Стафийчук из последних сил поднялся с места и не проронив ни слова направился к своей койке. Только теперь, глядя ему вслед, Глеб понял, что этот еще совсем не старый шахтер на пенсии, не так живо себя чувствует, как выглядит. Уж больно тяжело даётся ему ходьба на не сгибающихся, буд-то протезных ногах.

– Вот уж действительно нелегкая принесла, да? – обращаясь ни к кому и ко всем одновременно, в пол голоса заметил тренер, тоже провожающий его взглядом.

– Да-а, протянул Аркадьевич, переключаясь на потухаю-

щую топку. Ловким движением он открыл дверцу и принялся закидывать в нее дрова. Однако, когда она была заполнена он не стал закрывать ее, а словно под гипнозом влился взглядом в нарастающие друг на друга языки пламени, сказал: – А если все-таки простить друг друга? В один миг, просто взять и простить... – Толи от того что все уже устали, толи от того, что отсутствие спиртного заметно остудило их пыл и желание вступить в палемику, но так или иначе старику никто нечего не ответил. Под хруст и скрежет топки, каждый из них прогрузился в свои мысли и никто не заметил, как высушенная, дряхлая старушка поднялась с места и шоркая подошвами о пол подошла к Семену Аркадьевичу.

– Никто не простит, сынок. – сказала она тихим тонким голосом, который прозвучал для них громче взрыва снаряда, одного из тех, что разрываются снаружи.

Словно окаменелые, все четверо глядели на нее с откровенным шоком, граничащим с испугом. Она же, погладив Семена Аркадьевича дрожащей, легкой, словно детской, ладонью по плечу, тем же голосом добавила:

– Ни ты... Ни эти хлопчики... Никто не простит... В 45-м ведь никто друг друга не простил...

Спав с его плеча, ладонь безвольно повисла в воздухе. Не весть откуда в ее руке появилась свеча, тонкая, горчичного цвета, такие обычно продают в церкви. Немного склонившись, она подошла к ее от пламени буржуйки и выставив перед собой зашоркала ногами в сторону выхода. – Никто не

простит... – закончила она где-то позади них.

Обомлевшие, они продолжали сидеть в безмолвии, даже когда по их ногам холодным ужом прошёлся сквозняк, впущенный ею в раскрытые двери.

Наконец когда их попустило, первым заговорил Аркадьевич, очень тихо, будто боясь, что она его услышит: – А ведь я думал, что она немая... Два дня ни звука...

* * *

Затишье продлилось до утра и после до самого вечера, загремело уже в сумерках и совсем в другом районе. Кое-как, в полудреме, Глеб дождался глубокого утра, расположившись с семьей на койке. А когда под шум засуетившихся соседей «по кроватным холмам» сон окончательно покинул его и его семью, вслед за остальными они покинули убежище.

Единственное что не давало ему покоя, не считая, конечно же войны, это слова ” немой “старухи: «Не ты... Не я... Не эти хлопчики... ». Лишь после долгих раздумий, он наконец понял, что она имела ввиду. Ведь действительно, все поколения, заставшие эту братскую войну с любой из сторон, уже точно не смогут простить друг друга... даже если остановиться. И так же, как после ВОВ, где среди одного народа так же встречались представители враждующих сторон, мы будем ещё долго терзать друг друга презирающими взглядами.

Блогер

– Всем привет! Гости мои канала и в особенности мои подписчики я рад приветствовать вас в этот прекрасный день в этом прекрасном городе? – Едва выйдя из автобуса затараторил на камеру телефона молодой человек с большими зелеными глазами и длинными русыми волосами, собранными в хвост. – Это я, ваш извечный лазутчик, искатель истины на просторах интернета и нашей огромной страны – Маркиз и мой канал «Истина с Маркизом». Наконец-то я осуществил свою давнюю мечту, а вернее сказать, достиг поставленной перед собой цели и приехал в Донецк. Да, да. Вам не слышалось. Я действительно сейчас нахожусь в этом городе, а точнее только-только прибыл на АВ «Южный».

Парень крутился с телефоном в руке, но на фоне его лица было трудно что-то разглядеть позади.

– Итак, вы спросите меня «Что ты здесь делаешь, Маркиз?» А я вам отвечу – все просто, я приехал, чтобы убедиться, что не смотря на постоянные боевые действия город живёт и не планирует сдаваться.

Закончив говорить, он жадно вдохнул воздух, потому как говорил на одном дыхании.

– Что ж, прошу вас, – отводя от себя камеру продолжил Маркиз, – лицезрйте город-герой?

Однако «лицезреть» особо было нечего. Остатки грязного снега, разбросанные по клумбам вокруг территории вок-

зала, удивительно сочетались, если так можно выразиться, с холодным серым небом и жирными лужами на асфальте, рисуя довольно мрачную картину последней зимней схватки с первыми мартовскими шагами весны. Как нельзя к месту оказались мазки унылых и каких-то озадаченных лиц снующих вдоль и поперек вокзала. Возможно кто-то скажет, что это обычная картина для этого времени года и любого другого автовокзала, но ведь это был Донецк, где-то там, на окраине, продолжают идти бои, от того эти первые впечатления жутким комом ложились на грудь.

– Молодой человек, – неожиданно раздался голос позади него. – Вы что ведёте съёмку? Покажите ваши документы!

Обернувшись Маркиз увидел перед собой крепкого парня в военной форме и тут же поменялся в лице, пряча телефон в кармане.

– Я? – как можно искренне удивился он. – Нет.

– Документы предъявите. – продолжал настаивать военный, перебив Маркиза.

– Да пожалуйста. – выказывая всем видом искреннее недоумение ответил Маркиз и протянул паспорт. – А в чем собственно дело?

– В республике запрещена съёмка объектов особой важности. – объяснил военный перелистывая страницы документов.

– Особого значения? – переспросил Маркиз.

– Да. На одном из них вы находитесь.

– А, понял. Да я собственно искал фон, на котором можно будет сделать селфи. – объяснил Маркиз поникшим голосом.

– Цель визита? – возвращая российский паспорт владельцу, спросил военный.

– В гости приехал, к однокласснику. Мы учились вместе в ДонНТУ.

– Хорошо. На первый раз я делаю вам предупреждение. Но советую больше не снимать.

– Я понял, э-э товарищ Сержант. – Разглядев погоны ответил Маркиз и тут же откланялся, направившись к ближайшей остановки городского транспорта.

Не выбирая направления, он заскочил в первую попавшую маршрутку, затерявшись в толпе попутчиков.

Включилась камера минут 30 спустя, когда он сменил направление пути пересел на другую маршрутку, следующую вдоль Университетской улицы. В отличии от неприглядного вокзала эта улица выглядела довольно живо и много ярче. Сквозь немного помутневшее от грязи стекло, можно было разглядеть и разноцветные вывески магазинов и неоновые огни реклам.

Вообще, если бы Маркиз был заинтересован или хоть на немного сосредоточил свое внимание на картине за окном маршрутки, а не снимал все подряд с отрешенным взглядом, то он наверняка бы заметил, что жизнь здесь не слишком то изменилась. Точнее изменилась, но все-таки кипит – меньшим потоком, но ездят машины; на месте исчезнувших мага-

зинов, офисов и банков, постепенно появляются новые; улицы и парки по прежнему заполняют люди, пусть и с другими лицами...

Однако с того самого встречи с военным, его поведение резко изменилось, как и желание продолжать путешествие. В памяти всплыли ролики из интернета, в которых некоторые журналисты и блогеры обвиняли правоохранительные органы республики в откровенном беспределе. Присутствовала даже информация о задержании людей по псевдо-обвинениям с целью последующего их выкупа их же родными. Но самое страшное для него было то, что многие из них были россияне. Пропитавшись этим страхом, он категорически не желал проверять их правдивость на своей шкуре.

Камера снова отключилась. Парень спрятав телефон, вышел на конечной остановке этого маршрута, сделал глубокий вдох и попытался разогнать свои страхи и собраться с мыслями. Снующие вокруг люди отвлекали внимание и он даже попробовал сосредоточиться на внешнем виде нескольких из них, пристально встречая и провожая их взглядом, но этого оказалось недостаточно, перед глазами всё время стоял тот самый военный. Теперь осталась крайняя мера – достав из кармана рюкзака пачку нераспечатанных, но подготовленных заранее сигарет, он не задумываясь подкурил от зажигалки лежавшей там же. Вообще он курил редко и в основном кальян в хорошей компании, но в моменты особого напряжения мог позволить себе и пару сигарет.

Спустя пару минут, так и не докурив до конца, он выбросил сигарету и бросился к маршрутке с надписью «Киевский проспект». Заняв место он снова включил камеру телефона и на экране, в беззвучном режиме вновь замелькали дома, деревья, люди.

* * *

– Дорогие мои, я снова с вами и мы по-прежнему в Донецке, – прежним смелым тоном сказал Маркиз глядя прямо в камеру. Отведя камеру в сторону он принялся снимать окружающие его дома и двор с полуразрушенной детской площадкой. – Ребята, это Путиловский район, хотя скорее то, что он него осталось. Вы знаете, – внезапно сменил тон он вновь навел камеру на себя, – когда водитель высадил меня на остановке со словами: «дальше никто не возит», я не знал что здесь будет так ужасно... Посмотрите, – приблизив разрешение и вновь отведя телефон в сторону продолжил он, – что стало с этим районом. Обгрызанные снарядами и пулями стены домов и стволы деревьев, выбитые окна и двери, разрушенные крыши... Не знаю, не могу сказать точно, – не спеша двигаясь вперед сделал он вывод, – но мне от чего-то кажется, что здесь совсем никого не осталось. Представьте, я даже ни одной собаки еще не встретил.

Камера продолжала снимать, а Маркиз видимо онемев от эмоций продолжал неспеша двигаться вглубь района. Доро-

га, пролегающая вдоль дворов, была усеяна лужами, довольно сильно напоминающими воронки от минометных снарядов. Просверленный осколками и пулями профильный забор вокруг футбольного поля, светился словно дуршлак. Приблизившись ближе, он заснял и кротовые норы хаотично разбросанные по полю, и беспорядочно развороченные, бывшие когда-то совсем новыми пластиковые красно-синие сиденья. Потом снова была разбитая дорога с разнесенными по клумбам кусками тротуарной плитки, прежде уложенной на тропинки ведущие к подъездам дома. И снова дома, которые по движению в направлении аэропорта, все больше наминали изувеченный город, усеянный сломанными скелетами деревьев и бытовым хламом, гонимым ветром из угла в угол.

Он все еще молчал... Молчал и шел вперед. Где-то вдалеке послышались хлопки, характерные для залпов орудий, которые сменились разрывами снарядов содрагающих воздух. Маркиз остановился. Ему показалось что этот гром среди ясного неба доносился все громче и громче, так, будто удары этих снарядов приближались к нему. Он замер, стараясь даже не дышать, но несколько минут спустя все стихло.

– Ребят, я испугался, – признался он на камеру. – нет, честно, еще чуть-чуть и стало бы сердце. Я не представляю, как люди все это время пережили... А может все еще живут...

Он снова пошел вперед продолжая снимать окружающий его ужас. Еще большей жути ко всему прочему добавляли

черные, как смоль тучи. Беспросветной пеленой они затянули небо над ним, оставив серый просвет где-то вдалеке.

– Ну что ребят, наверное придется вернуться в город. Снять себе номер в какой-нибудь недорогой гостинице, – снимая небо над головой, объяснился Маркиз, – сами понимаете, по такой погоде не на снимаешься. А завтра, я снова попытаюсь добраться до конечно цели, разрушенного Путиловского моста... Жаль сворачиваться... Очень жаль.

Не выключив камеры парень двинулся в обратном направлении, убрав телефон в карман куртки. Резкие порывы ветра, по– видимому и виновные небесной черноте, касаясь земли подрывали с нее всякий хлам вперемешку с листвой и вырываясь из подворотней, а иногда выскакивая из-за углов домов, швыряли весь этот мусор ему вслед, словно подгоняя его.

Однако пройдя всего сотню шагов, а может и того меньше, парень услышал странный пронизывающий воздух свист, исходящий из неоткуда и отовсюду одновременно и взрыв, где-то в паре кварталов отсюда содрагнувший землю.

Секундное замешательство Маркиза, сменилось оглушающей сознание паникой. Не видя другого выхода, он бросился к ближайшему дому, пытаясь укрыться в первом из попавшихся подъездов, но тот оказался закрытым. Тогда, не теряя надежды, парень устремился к следующей двери, но и она наглухо закрыта. Потом были еще двери и даже дома, но все оказалось четко пока от безысходности и накатываю-

щейся на него «морской волной» страха, он вдруг не понял, что не в силах больше передвигаться, так как ноги вжались в землю будто каменные.

На грани безумия, под не прекращающиеся взрывы снарядов, вцепившись в ручку одной из дверей, он без конца мотал головой из стороны в сторону, впиваясь взглядом то густо растущие деревья то в разбитые и полуразбитые гаражи, то следующие дальше дома, пока не заметил разбитое окно первого этажа слева от себя.

Не секунды не раздумывая, он закинул в него рюкзак и тут же, опершись на фундамент и вцепившись в остаток рамы, последовал за ним, с грохотом падая под подоконник.

– Вот дерьмо! – воскликнул Маркиз, заметив сочащуюся из ладони кровь. – Только этого и не хватало.

Сжав ладонь в кулак, которая после этого отозвалась острой болью, он принялся целой правой рукой шарить по карман штанов и куртки, глядя как из сжатого кулака капля за каплей капает его собственная кровь, в полумраке кажущаяся черной. Наконец, вынув из нагрудного кармана платок он кое-как перемотал руку и снова сжал ладонь в кулак.

– Сука, телефон! – воскликнул Маркиз, прощупав карманы куртки.

Через пару минут лежащий под окном экраном вниз телефон заснял, как под леденящую душу череду взрывов из окна выглянул Маркиз с перекошенным от страха лицом. На какое-то мгновение оно все же украсилось довольной улыб-

кой, но всего на доли секунды, когда его взгляд уперся в мобильник, после чего парень снова скрылся в квартире, не решаясь его забрать.

Разбитый, подавленный и плененный безграничным страхом, Маркиз отполз от окна в сторону и упершись спиной в угол, словно в детстве, уткнулся головой в колени. В один момент ему даже показалось что он вернулся в свою детскую комнату, в тот самый угол дивана-малютки, где за частую прятался от обидчиков в такой же позе.

Неожиданно кто-то легко, но настойчиво постучал его по плечу. Не рискуя, он остался бездвижен даже затаил дыхание, про себя подумав о том, что ему это показалось, однако его снова побеспокоили.

Буквально сжимаясь в угол, он лишь на миг выглянул из под лба и тут же выпрямил спину, удивленно разглядывая мальчишку глядевшего на него с неподдельной улыбкой.

Конечно же, это казалось странным, увидеть его здесь и сейчас, но более странным ему все же показалось то, что он прекрасно мог разглядеть его в этом полумраке – и пеструю куртку и капну желтых кудрявых волос, и бездонные голубые глаза, так, будто мальчик сам по себе светился.

– Ты... Кто такой, мальчик? – спросил Маркиз заикаясь, – Откуда взялся?

Ничего не отвечая мальчик приблизился к нему и аккуратно приложил к его рукам свою ладошку, будто бы прося его о молчании. Взглянул на нее, а после и в глаза мальчиш-

ки, Маркиз понял что от него хотят и согласно кивнул головой в ответ. Глухие стуки вырывающиеся из груди, будто бы вторили доносящиеся снаружи бойни, но сам того не понимая он нашел утешение в этом бесстрашном взгляде этого ребенка.

Мальчик же, сделал несколько шагов назад остановившись у закрывающего стену большого мебельного гарнитура с разбитыми стеклами, взмахом руки пригласил Маркиза следовать за ним и не спеша направился к выходу из комнаты.

Боясь потерять его из вида, блогер двинулся за ним, обходя разбросанную по полу мебель и переступая через какие-то небрежно разбросанные вещи. После была ещё одна комната с таким же бардаком, а за ней узкий коридор, по-видимому соединяющий пройденные комнаты с ванной и кухней, точно понять он не мог, здесь становилось совсем жутко и мрачно. В один момент он потерял мальчишку из вида, запаниковал, прижимаясь к стене, однако страх вскоре исчез, когда этот самый коридор заполнил свет свечи, вливающийся в распахнутые входные двери, ведущие в общий тамбур.

—О, господи? – протянул он не сдержавшись, заметив укрывающихся там женщину с девочкой. Секундного взгляда ему хватило чтобы понять, что это самая девочка сестра мальчишки, а женщина видимо мать. Единственное что отличало брата от сестры кроме одежды это наличие косичек.

Когда всё таки Маркиз смог от них отвести взгляд, то тут

же наткнулся на возмущенный взгляд мальчишки, прижимающего ко рту уже обе ладони.

Опомнившись, он повторил за мальчишкой, давай понять, что будет молчать и перевел взгляд на женщину, которая злобно косилась на него и иногда удивлено глядела на своего сына. Растерявшись, он не знал как ему быть дальше, но мальчик с тем же непоколебимым взглядом, на который он наткнулся у разбитого окна, жестом попросил его подождать.

Подойдя к матери, он положил руки ей на шею и принялся терроризировать ее жалобно-молящим взглядом. Не долго сопротивляясь она снова покосилась на Маркиза, потом на дочку, которая тоже видимо была не против гостя, так как после этого женщина дала немое согласие своему сыну.

Очередным жестом, тот пригласил гостя войти в их убежище, а сам переставив в сторону какие-то сумки, которыми была заставлена противоположная его матери стена, освободил потрепанный табурет. Как только Маркиз неуверенно переступил порог мальчик подошел к нему и подтолкнув усадил на подготовленное место.

«Если хочешь остаться, тебе придется молчать». – написал мальчишка на крашенной стене тамбура, красным маркером. – «Хорошо?» – добавил он снизу.

Бросив короткий взгляд на двери, которые после его прихода захлопнул мальчик, ведущие во мрачные комнаты, Маркиз тут же согласился, закивав головой.

«Меня зовут, Паша. А это моя мама и сестра.» – продол-

жил свою роспись стен мальчик. – «А кто ты и что там ты делал?»»

Взяв протянутый ему маркер Маркиз ответил – «Я блогер. Меня зовут Маркиз. Я веду свой канал на YouTube, если ты понимаешь о чем я.» – закончив писать он вернулся на место пытаясь отдать Паше маркер, но наткнулся на его укоряющий взгляд.

Поняв, что ему не поверили, ведь он действительно был не до конца честен, после затянувшийся паузы он добавил еще одну надпись: «я снимал ваш район, но после начала бомбежки не нашел другого укрытия, кроме как пробраться в эту квартиру через разбитое окно.» Окончив писать он вытянул вперед перемотанную платком ладонь с красным жирным пятном, в качестве доказательства.

Увидев рану, все трое переглянулись, а мать, покопавшись в одном из пакетов, дала своей дочери какую-то мазь в прозрачной баночке без этикетки. Маленькая девочка ловко избавила Маркиза от платка, намазала рану и перемотала чистым бинтом, тоже протянутым ей матерью.

«Это поможет» – написал на той стене мальчик, забрав у блогера маркер. Маркиз благодарно кивнул головой, всего на долю секунды задержал взгляд на женщине и ужаснулся ее потухшему бесцельному взгляду, абсолютно противоположному взгляду ее детей.

«Ты хочешь есть?» – написал мальчик, – «мы будем ужинать».

Маркиз согласно кивнул головой, но вдруг неожиданно сорвался с места, растворившись во мраке покинутой ими квартиры. Никто из присутствующих так и не понял причины его поведения, пока тот не вернулся обратно со своим рюкзаком в руке.

За время его отсутствия посреди тамбура обосновался самодельный стол, собранный из пары табуретов, а на столе кастрюля с кашей, разбавленной тушенкой. Маркиз это понял по пустой банке из солдатского пойка стоявший под одним из этих табуретов.

Не присаживаясь на место, он решил внести свою лепту и добавил к скудному, но вполне питательному рациону несколько шоколадных батончиков и еще не распечатанную бутылку «Pepsi».

В отличии от детей, чьи глаза еще больше засветили радужным блеском при виде сладкого, их мать холодно отреагировала на произошедшее. Раздав каждому одноразовую посуду, она поровну разделила содержимое кастрюли на всех.

Ели они не спеша иногда обмениваясь взглядами. Несколько раз Маркиз замечал, как брат с сестрой бросали короткие взгляды на шоколад, и иногда друг на друга. Все это время к ним доносилась череда смертельных взрывов которые слышались все реже, но по-прежнему в опасной близости. Наконец, когда с трапезой было покончено Маркиз взял у мальчика маркер и крупными буквами написал «Спа-

сибо». Однако хозяйка по-прежнему игнорировала его. После того, как девочка с мамой убрали всю посуду и расставили табуретки по местам освобождая центр тамбура каждый из них занял свое место.

Все это время мальчик не спускал с него глаз, словно ожидал чего-то, толи очередной переписки толи еще каких-то действий. И вскоре дождался, так как и без каких либо навыков распознавание человеческой мимики было понятно, что блогера терзают десятки вопросов, накапливающееся с каждой минутой. Снова взглянул на мальчишку, который и без слов все понял и протянул ему маркер, Маркиз написал: «Как вы здесь живете? Почему? И наконец откуда у вас еда?», Маркиз хотел еще что-то написать, но мальчик остановил его схватив за запястье. Встретившись с ним взглядом блогер понял, что пришло время ответов.

Убедившись, что сестра и мама задремали, Паша быстро начертил на стене: «Живем потому что нет выбора. Еду привозят солдаты раз в неделю.» – остановившись он повернулся к собеседнику лицом, словно пытаясь что-то разглядеть, а несколько мгновений спустя добавил: «Задавай главный вопрос. Осталось мало времени.» – закончил он и пальцем указал на догорающую свечу.

Прочитав послание, Маркиз тут же начертил самый главный для него вопрос: «Почему вы молчите, ведь вы не немые?»

«Мы все разговариваем...» – ответил мальчик.

«Тогда я не понимаю...» – растерявшись дописал Маркиз, испепеляя мальчишку вопросительным взглядом.

Мальчик еще раз глянул на родных, будто боясь быть разоблаченным, однако убедившись в их крепком сне, потянулся к красно-синему рюкзаку. Немного покопавшись в нем, он извлек детский альбом для рисования и на мгновение застыл с ним в руках, словно колеблясь, однако вскоре решил-ся отдать его Маркизу.

Так же не уверенно чувствовал себя и Маркиз. С одной стороны его раздрало любопытство и его можно понять, ведь не каждый день можно было встретить добровольно онемевших людей, но с другой стороны он понимал, что этот альбом скрывает в себе тайну, которая возможно сможет навсегда изменить его мировоззрение.

Взяв альбом в руки он мельком прочел его название «Наша история», вписанная большими буквами в строчке, которую обычно используют для заполнения личных данных школьника, и взглянул на Пашу, который следил за ним будто тюремный надзиратель, мальчик указал взглядом на сестру и положил ладонь себе на грудь, тем самым показывая, что это их работа. Наконец Маркиз решился перевернуть титульный лист. Тут же в глаза ему бросился рисунок. На нем изображалась семья из 4 человек, где самым большим был конечно же папа, а после мама с длинными каштановыми волосами и двое малышей. Сверху, на нетронутом карандашами месте была надпись «Наша семья».

Перевернув этот лист, он наткнулся на нарисованный большой дом, окруженный высоким синим забором и несколькими деревьями. Подписан этот рисунок был на том же месте, что и прежний, словами «Наш дом». Маркиз хотел было перелистать дальше, но замер с листом в руке. Ему вдруг показался этот дом знакомым, и он хаотично перебирал в памяти картинки, пока не вспомнил, что видел такой же синий забор сегодня в этом самом районе. Единственное что отличало эти картинки друг от друга, так это то, что дом который он видел, был на половину разрушен. С сожалением взглянув на мальчишку Маркиз двинулся дальше.

На следующем листе было нарисовано много человечков и какое-то подобие танка посередине. От каждого из них пунктиром было начертано движение пуль из оружия. Первое, что приходило на ум при осмотре картинки, так это аналогия с какой-то компьютерной игрой в которую Маркиз когда-то играл. Символично или скорее трагично, выглядело выражение сверху «Они пришли».

Следующей картиной явилось перед ним изображение домов и дворов, полыхающих в огне. Неуклюжая детская рука нарисовала вырывающиеся из окон пламя, горящие машины и тела людей в лужах крови. Маркизу стало не по себе и это чувство возникло не от самого рисунка, а от того, что дети передали на бумагу все то, что видели... весь тот ужас творившийся вокруг них. Еще его удивило то, что в отличии от предыдущих, эта картина не была подписана.

Увлечшись, он перестал замечать окружающих. Лишь жадно изучал картинки перелистывая страницы. Мальчик по-прежнему не сводил с него глаз. Девочка и мама сопели на том же месте в углу. Глухие взрывы снарядов доносившиеся снаружи, стихли.

На одной из страниц, он наткнулся на самый странный рисунок. На нем, посреди какой-то комнаты, было изображено тоже семейство. Однако удивления вызвали странные кресты на лицах детей и женщины, как раз на местах их ртов, у мужчины же, наоборот, рот был нарисован раскрытым, а рядом с ним черным контуром была очерчена фигура ангела. Длинным кинжалом эта фигура пронзила тело мужчины сверху и тем же черным карандашом было написано: «ангел смерти пришел за папой».

«Удивительно, как можно простым детским рисунком передать полноту сюжета, с его трагичностью и болью...» – всматриваясь в искаженное лицо мужчины подумал Маркиз и неожиданно для себя заметил, как необычно выглядел этот лист бумаги, а перевернув его он все понял. С этой стороны четко просматривалась множество капель изменивших его структуру, они были хаотично разбросаны словно лист попал под дождь. Конечно же блогер догадался что это были за капли...

Закипая от странного чувства переполняющего его нутро, больше напоминающего коктейль из ярости и жалости, с явным привкусом беспомощности, он переключился на следу-

ющий рисунок, но рисунком его было трудно назвать ведь на листе, кроме надписи: «чтобы не привлечь ангела смерти мама замолчала и заставила замолчать нас...», не было ничего. Хотя добавить здесь что-то еще было бы и ни к чему.

Получив долгожданный ответ, Маркиз не смог удовлетворить свое любопытство, а лишь раззадорил его новыми вопросами. Однако, в это мгновение свеча, блеснув несколько раз ярким пламенем, потухла.

* * *

Погрузившись во мрак и последующее за ним затишье Маркиз и сам того не замечая окунулся в глубокий сон, пусть и не в привычной для себя позе.

В нем он прогуливался по цветущей утопающей в зелени улице. На лавочках сидели старушки, на асфальте что-то рисовали дети, а у самой оградительной сетки футбольного поля стоял мальчик, с восхищением глядя на старших ребят играющих мячом. Маркиз знал этого мальчика, это был тот самый Паша.

Проснулся он на следующий день довольно поздно выбравшись из дома таким же способом, как он в него и попал, Маркиз первым делом ухватился за свой выключенный телефон лежавший на том же месте, а уж после неуклюже потопал в город.

Только потом, монтируя видео о своем путешествии, он на какое-то мгновение забудет о том, что с ним произошло, оставив своих подписчиков в неведении... но никогда не из-

гонит пережитое из своей души.